

Молодой СИБИРЯК

ОРГАН ОМСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

№ 49 (2370)
Год изд. XV

21 апреля 1957 года,
воскресенье.

Цена 20 коп.

ЗАВТРА ИСПОЛНЯЕТСЯ

87 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

В. И. ЛЕНИНА

ВСЕГДА ЖИВОЙ

Взгляни вокруг себя, наш молодой читатель. Ты увидишь могучие корпуса заводов и фабрик, стройные ряды многоэтажных жилых домов, новые школы, больницы, кинотеатры. Все это — для народа, значит, и для тебя. Каждый день приносит тебе новые радостные вести, все лучше становится твоя жизнь, и ты воспринимаешь это, как должное. Но наши отцы хорошо помнят и другое время. Время, когда на каждом шагу можно было столкнуться со страшным произволом, с нищетой и бесправием трудящихся.

Это было не так давно — сорок лет назад. Огненный вихрь революции безвозвратно смел это прошлое, и освобожденный народ ценой невероятных жертв и усилий стал строить свое солнечное будущее. Не забывай об этих днях, товарищи!

Сегодня на устах десятков миллионов людей имя, бесконечно близкое и дорогое каждому трудящемуся: Ленин. 87 лет назад родился вожь миро-

вого пролетариата, гениальный теоретик и практик революции, основатель Коммунистической партии и первого в мире социалистического государства. Человек с большой буквы — наш родной Ильич.

Советский народ верен ленинским заветам, неуклонно выполняет гениальные ленинские предначертания. История развития нашего общества — это история торжества бессмертных идей ленинизма.

Ленин говорил, что основным принципом социалистического хозяйствования должен быть принцип демократического централизма, который дает возможность правильно сочетать централизованное государственное руководство хозяйством с максимальным развитием творческой активности трудящихся масс, непосредственно участвующих в управлении производством. Сейчас ты, наш молодой друг, принимаешь участие в обсуждении тезисов доклада тов. Хрущева «О дальнейшем совершенствовании ор-

ганизации управления промышленностью и строительством», вносишь свои предложения. Ты, простой рабочий, колхозник или учащийся, лично участвуешь в решении государственных вопросов, и это — убедительное свидетельство жизненной силы великих ленинских принципов.

Жизненная сила идей ленинизма состоит в том, что они исходят из кровных интересов трудящихся масс. Поэтому они владеют умами и сердцами советских людей, трудящихся стран народной демократии, являются источником вдохновенного созидательного труда. Идеи ленинизма завоевывают все новые и новые миллионы приверженцев во всех уголках земного шара.

Коммунистическая партия и советский народ побеждали и побеждают потому, что они были и остаются верными ленинизму. Все, что создано в нашей стране после победы Октября, все, что составляет нашу славу и гордость — это результат мудрого руководства Коммунистической партии, это триумф ленинизма.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

О государственных займах, размещаемых по подписке

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Совет Министров СССР поставили на широкое обсуждение трудящихся вопрос о мероприятиях, которые необходимо провести в отношении государственных внутренних займов, размещаемых по подписке среди населения.

Учитывая, что эти мероприятия, как показало обсуждение их на многочисленных собраниях рабочих, служащих, колхозников, интеллигенции, встретили единодушное одобрение трудящихся, Центральный Комитет КПС и Совет Министров СССР ПОСТАНОВИЛИ:

Прекратить, начиная с 1958 года, дальнейший выпуск государственных займов, размещаемых по подписке среди населения.

Прекратить со дня опубликования настоящего постановления проведение тиражей выигранных ранее выпущенных государственных займов, размещенных по подписке среди населения, и отсрочить на 20 лет погаше-

ние облигаций этих займов. С 1977 года погашение облигаций государственных займов производить в течение 20 лет, равными частями ежегодно. Что касается Государственного 3-процентного внутреннего выигрышного займа, то его тиражи производить и впредь, в соответствии с условиями выпуска этого займа.

Учитывая, что в государственном бюджете на 1957 год предусмотрены определенные доходы от займов, а прекращение тиражей выигранных и отсрочка тиражей погашения по ранее выпущенным займам не возмещает этих доходов, признать необходимым выпуск займа в текущем году, однако в значительно меньшем размере, чем в предыдущие годы.

Выпустить в 1957 году государственный заем сроком на 5 лет на сумму 12 млрд. рублей, т. е. почти в три раза меньше суммы займа, размещенного в 1956 году. С 1958 года по 1962 год проводить ежегодные тиражи выигранных по этому займу, а с 1959 года по 1962 год — тиражи погашения.

Доклады, беседы, сборы

Широко отмечает ленинские дни наша школа. Во всех классах проходят пионерские сборы, комсомольские собрания, посвященные великому вождю революции. Пионеры шестых и седьмых классов проводят сбор, на котором преподаватель истории З. П. Климова рассказывает о жизни и деятельности В. И. Ленина, а ребята покажут концерт художественной самодеятельности. Учащиеся восьмых и девярых классов подготовили собрание «Образ В. И. Ленина в художественной литературе». Десятиклассники в эти дни прослушают доклады: «Ленин — организатор Коммунистической партии, вожь революции», «Ленин — создатель Советского государства». Интересным будет сбор школьников младших классов, который состоится в клубе «Металлист». Там ребята встретятся со старыми большевиками, которые лично встречались с Владимиром Ильичем.

А. АГЕЕВА,
директор школы № 6 г. Омска.

Новые книги об Ильиче

Трудно оторваться от этой небольшой книжки, каждому хочется прочесть ее до конца. «Шесть лет с В. И. Лениным», — написано на обложке, и ниже — другая надпись: «Воспоминания личного шофера Владимира Ильича Ленина». Шесть лет работал рядом с Владимиром Ильичем шофер С. К. Гиль, и поэтому его воспоминания представляют огромный интерес для молодежи.

Книга «Шесть лет с В. И. Лениным» поступает в продажу. Кроме того, магазины Книготорга получили много брошюр о В. И. Ленине, книгу Москалева «Ленин в Сибири» и другие издания.

Открытие памятника В. И. Ленину

Алеют знамена, трепещут по ветру флаги, плывут над колоннами большие портреты Владимира Ильича. Со всех концов шли вчера трудящиеся Омска в центр города на митинг, посвященный открытию памятника В. И. Ленину.

Десятки тысяч людей заполняют площадь. Начинается митинг. Его открывает секретарь горродского комитета КПС тов. Родионов. «В центре нашего города, — говорит он, — мы открываем памятник родному Ильичу, как символ нерушимой верности его заветам».

Делегация трудящихся города поднимается к памятнику. Звучит мелодия «Интернационала», и медленно спадает белое полотнище. Бронзовая фигура Ильича открывает взором собравшихся. К подножию памятника возлагаются букеты живых цветов.

На митинге выступили старейший коммунист тов. Сентюрин, рабочий Молотовского района тов. Платонов, заместитель председателя исполкома горсовета тов. Манторова, директор школы № 60 тов. Трифонова и секретарь городского комитета ВЛКСМ тов. Термер.

С нами напряженным вниманием прослушивают эти юноши и девушки грампластинку! Их волнение понятно — сейчас в комнате звучит голос Владимира Ильича Ленина.

НА СНИМКЕ: молодые рабочие Сибзавода, проживающие в общежитии, собрались в красном уголке, чтобы прослушать речь В. И. Ленина, записанную в 1919 году.

Фото Э. Савина.

ДЕВЯТЫЙ и НАРОД

Старый питерский рабочий, рассказывая как-то о своей встрече с Лениным, припомнил, что Владимир Ильич после внимательных расспросов о жизни рабочих, их настроениях вдруг обратился к нему с таким вопросом:

— Как вы думаете, удержим мы власть?

Рабочий подумал и совершенно твердо ответил:

— Удержим, Владимир Ильич!

Один из молодых слушателей выразил сомнение в истинности рассказа: неужели величайший мыслитель счел нужным спрашивать по такому сложному вопросу мнение простого рабочего? Забыл, мол-де, старик что-нибудь из давнего разговора, вот и поднапугал.

Но тут поднялся другой старый рабочий и так ответил молодому:

— Ничего-то ты не понял. Ведь разве Ленин с одним рабочим советовался, он с народом советовался. Владимир Ильич понял, что товарищ хорошо знает настроение рабочей массы. Вот Ленин и советовался.

Да, Ленин, как никто другой, был близок к народу, глубоко знал и понимал его думы и чаяния. Этим и велик Ленин как народный вождь. Мысль об этом красной нитью проходит в предлагаемых воспоминаниях о Ленине.

Несколько лет Ленин был бессменным депутатом Московского Совета от коллектива рабочих Трехгорной мануфактуры. И хотя среди депутатов Моссовета от этого предприятия бы-

ло несколько рабочих и служащих, Ленин считал нужным лично встречаться со своими избирателями, отчитываться перед ними, выступать на собраниях рабочих «Трехгорки» с оценкой политических событий. Обо всем этом тепло рассказывают в своих воспоминаниях старые рабочие Емельянов, Овсянникова.

Из далекой Сибири беспартийный крестьянин с огромными трудностями добирался до столицы, чтобы увидеть Ленина и услышать от него мудрое слово правды. Со многими говорил этот крестьянин и многие уверяли его: «Хоть и прав ты, а по твоему все-таки не будет». Но крестьянин верил в ленинскую правду, он ее услышал и понял величие народного вождя. В своих воспоминаниях О. Чернов говорит об этом так:

«Чем велик Ленин? А вот чем. Он не меня, конечно, слушал как персону необыкновенную, А ЧЕРЕЗ МЕНЯ ОН СЛУШАЛ ВСЕ КРЕСТЬЯНСТВО...»

Вот так слушает народ, глубоко понимает и принимает к сердцу думы и чаяния трудящихся наша ленинская партия. Поэтому-то и доходят до сознания каждого труженика великие идеи Ленина, идеи Коммунистической партии, вдохновляющие весь наш народ на построение коммунистического общества. В единстве с народом — сила Ленина, в этом и сила нашей партии. Преданно служить своему народу, близко знать его думы и чаяния, превыше всего ставить интересы народа — это и означает быть истинным ленинцем.

Депутат Трехгорки

Владимир Ильич был бессменным депутатом Московского Совета от коллектива крупнейшего текстильного предприятия столицы — Трехгорной мануфактуры.

Ильич был частым гостем трехгорцев.

В 1920 году Владимир Ильич приехал на Трехгорку 1 мая. Навсегда запомнил я и его выступление 7 ноября 1921 года, в день 4-й годовщины Ок-

тябрьской революции.

Я председательствовал на этом собрании. Докладчиком по вопросу о международном и внутреннем положении Советской республики выступала товарищ Коллонтай. Вдруг мне сообщают:

— Приехал Ильич. Товарищ Коллонтай, узнав, что в зале находится Владимир Ильич, быстро закон-

чила свое выступление.

— Слово

предоставляется члену Московского Совета от Трехгорной мануфактуры товарищу Ленину, — раздельно и громко объявил я.

Трудно словами передать то, что творилось в этот момент в зале. Это был какой-то необычайный вихрь оваций и приветственных возгласов.

Внимательно, боясь как бы не проронить слова, слушали мы своего вождя.

К. С. ОВСЯННИКОВА

Владимир Ильич несколько раз выступал на собраниях рабочих Трехгорки. Собирались мы на «Большой кухне», той самой, где в 1905 году помещался штаб боевых дружин.

Я жила в те годы в Сосновской девичьей спальне. Как-то вечером слышу — в коридоре кричат: «Ленин приехал!» Накинула платок и скорей на улицу. А тут уже все лестницы гудят от топота ног... Ильич приехал неожиданно, без предупреждения. Он не произносил речей, а беседовал с рабочими. Сколько задушевности, теплоты было в его словах! Все было в нем наше, родное, рабочее — и слова его, и простота обхождения, и манера держаться.

Очень внимателен был Ильич к людям. Как-то и ко мне обратился Ильич. Дело было, если память не обманывает, на третью годовщину Октября. С утра мы пешком ходили на субботник за Москву, в Хорошевский Серебряный бор. Вечером собрались на «Большой кухне». Ильич приехал раньше, но объявлять о том не велел, где-то ждал около часа, пока

рабочие отдохнут, закусят.

Я сидела в первом ряду и держала за руку своего мальчишка-малолетку. Ильич расспрашивал рабочих о субботнике. Вдруг посмотрел на меня и спрашивает:

— И вы, товарищ, на субботник ходили?

— Да, — отвечаю, — ходила.

Тут Ильич поинтересовался, накормили ли меня там. Я ответила утвердительно. А потом Ильич обратился ко всем и говорит:

— Вот посмотрите, женщина — мать маленького ребенка, другого скоро ждет, а чтобы помочь государству, за 8 верст пешком ходила. С такими рабочими людьми мы скоро одолеем разруху!

Не ждала я за свое участие в субботнике получить такую награду, как эти слова.

В своих речах Ленин много говорил нам о громадной задаче, стоявшей тогда перед страной, — наладить народное хозяйство — и выражал уверенность, что мы победим на фронте труда так же, как победили на всех фронтах гражданской войны.

«В. И. Ленин среди красногвардейцев Путиловского завода» (1917 г.). Плакат работы художника А. И. Лаврова.

Как я, беспартийный крестьянин из Сибири, был у Владимира Ильича и что из этого получилось

Я ДОБРАЛСЯ до него из Сибири.

Добраться из Сибири простому крестьянину — не простая штука. Два месяца прошло, как я тронулся из дому, и два месяца я все искал пути добраться до Ленина.

Немало было курьеров в моем пути до Ленина.

Но вот в феврале 1921 года, утром, я узнал, что меня пригласит Владимир Ильич в 1 час дня.

Иду в Совнарком. Встречает меня секретарь и спрашивает: «Не вы ли Чернов?» — «Да, я». — «Садитесь».

Наконец, я немного успокоился, пришел в себя, собрался с мыслями. Сидел около 15 минут, которые мне очень помогли.

Вскоре выходит еще секретарь, велит следовать за ней, и я очутился, очевидно, совсем недалеко от Ленина. Но вот, наконец, кто-то выходит от Владимира Ильича; предлагается заходить мне,

О. ЧЕРНОВ.

Тут я был совсем спокоен и, как сейчас, помню: Владимир Ильич встал и шел ко мне навстречу, как к посетителю высокой важности. Приветливо поздоровался, спросил: «Что из Сибири привезли новенького?»

Я ему говорю: «Изложил свои мысли на бумаге, и позовьте зачитать».

— Давайте читайте, садитесь.

И мы с ним уселись — не напротив, а я на конце стола; вполоборота он на меня глядел.

Когда я начал читать, то невольно как-то я наблюдал за ним, взглядывая на его лицо. Сперва оно как бы выдавало скуку, усталость, — надоели, мол, вы мне с докладами, — но по мере чтения его лицо стало весьма заметно меняться, левый глаз стал часто прищуриваться, и несколько порывисто он оборачивался на меня; по-

глядит, прищурит глаз и опять, — и к концу чтения я видел, что в этой голове решается вопрос величайшей важности, решается в несколько минут; я видел, как много было охвачено в эти минуты Владимиром Ильичем и отрезано недосягающей рукой.

Мой доклад был о замене разверстки налогом у нас, в Сибири.

Когда кончил читать, то он мне задает вопрос:

— Кто вы такой?

Я рассказываю, что из ссыльных каторжан, на каторгу попал за принадлежность к соц. рев. партии, но теперь себя считаю беспартийным, имею свое хозяйство в Сибири.

— Как вы понимаете прогрессивное обложение?

Я рассказываю. Немного как будто задумывается, молчит, потом, оборотясь ко мне: «Согласны ли вы напечатать ваше письмо в «Правде»? Я говорю: «Согласен». Еще

спросил, где меня можно найти.

— Напишите на своей докладной добавление, как вы понимаете прогрессивное обложение, и кто вы такой.

Чем велик Ленин? А вот чем. Он не меня, конечно, слушал как персону необыкновенную, а через меня он слушал все крестьянство и через меня он учел всю сложность обстановки на низах.

Перед тем как к нему попасть, я со многими говорил, и мне многие говорили вот что: «Хоть и прав ты, а по твоему все-таки не будет», и потом до меня у Владимира Ильича были с такими доводами, кроме меня, другие.

Все как бы говорило за то, что повернуться колесу не время.

Но Владимир Ильич не похож был на многих, он хватал жизнь, события, революцию, направлял их.

Он творил волю массы как старший, он есть душа массы, богатая всеми изгибами.

РАССКАЗ О ВСТРЕЧЕ СИЛЬИЧЕМ

Владимир Ильич Ленин в кругу детей.

Этот день надолго останется в памяти учащихся Омского железнодорожного училища № 1. В гостях у них побывал старый железнодорожник и старый большевик, бывший красногвардеец, пенсионер Иван Григорьевич Залепин.

Тесным кольцом окружив дорогого гостя, будущие железнодорожники внимательно слушают его неторопливую, тихую речь. И одна за другой встают перед их глазами незабываемые картины прошлого.

...1918 год. Только два месяца прошло с тех пор, как отзвучали в Петрограде залпы «Авроры» и власть перешла в руки народа. Советская власть утвердилась и в Омске.

Внутренняя контрреволюция, не брезгуя никакими средствами, принимала все меры к тому, чтобы задушить молодую советскую республику. Среди омской железнодорожной администрации также было немало контрреволюционеров из оставшихся на своих местах царских чиновников. Ненавидя большевиков, они устраивали саботаж, приостанавливали продвижение поездов с хлебом и другим продовольствием из Сибири на Запад.

Хлеб же был необходим революции. Голодали трудящиеся Петрограда и других рабо-

правившись из Омска 5 января 1918 года, посланцы сибирского пролетариата прибыли в Петроград через двенадцать дней.

И здесь начинается самое интересное, самое волнующее в рассказе Ивана Григорьевича Залепина. Затанув дыхание, боясь пропустить хотя бы одно слово, слушает его учащаяся молодежь.

...О том, что сибиряки приехали с хлебом, узнал Владимир Ильич Ленин. Он пригласил их к себе.

Смольный. Рабочий кабинет Ильича. Он обставлен очень просто: обыкновенный письменный стол, стулья, на полу ковер. Владимир Ильич расспрашивает, как доехали, какие в пути были препятствия. В свою очередь сибиряки задают товарищу Ленину вопросы, на которые он просто, доходчиво отвечает.

— Но вот беседа подходит к концу, — рассказывает Иван Григорьевич. — Владимир Ильич спрашивает: «А как работает ваша омская партийная организация?» Я поднял руку и сказал: «Разрешите, товарищ Ленин». Но товарищ Ленин тоже поднял руку и, улыбаясь, произнес: «Обожди, ты еще молодой. Я тут вижу старичков, они больше знают». Среди нас был один пожилой большевик — подполь-

но оказалось нескромным. Этот урок я запомнил на всю жизнь.

...Несколько дней пробыли сибиряки в Петрограде. И Ивану Григорьевичу Залепину выпала огромная радость еще раз увидеть и услышать Владимира Ильича Ленина. Вместе с другим омским красногвардейцем тов. Поповым побывали они, как гости, в Таврическом дворце на заключительном заседании третьего съезда Советов.

— Председательствовал тов. Свердлов. И вот он предоставил слово товарищу Ленину, — рассказывает Иван Григорьевич. — Только Владимир Ильич поднялся из-за стола президиума и направился к трибуне, как раздался взрыв аплодисментов и крики «ура». Товарищ Ленин, выжидая, постоял на месте. Размахивая правой рукой, он ходил по сцене. Он говорил просто, ясно, убедительно.

Иван Григорьевич взволнован воспоминаниями, и его волнение передается слушателям. Видеть и слышать Ильича! С каким уважением смотрят они на старого коммуниста!

— Эта поездка в Петроград и встреча с Владимиром Ильичем Лениным волнуют меня и по сегодняшний день, — закончил свой рас-

Заседались мы Вас

М. ПРИЛЕЖАЕВА

Сегодня мы печатаем главу из новой повести М. Прилежаевой «Начало», посвященной первым шагам революционной деятельности Владимира Ильича Ленина.

В центре повести образ молодого Ульянова и его друзей и помощников Н. К. Крупской, И. В. Бабушкина, Г. М. Крижановского и других революционеров, создавших вместе с Владимиром Ильичем в середине 90-х годов прошлого столетия «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Автор показывает, как марксисты воспитывают классовое сознание петербургских рабочих, организуют их классовую борьбу.

Большую роль в революционном воспитании пролетариата сыграли рабочие кружки. В предлагаемой читателям главе рассказывается об одном таком кружке за Невской заставой, которым руководил В. И. Ленин.

Бабушкин работал слесарем на Невском механическом заводе, который по имени владельца назывался Семяниновским, а жил неподалеку от завода, на Шлиссельбургском тракте за Невской заставой, в невзрачной домишке под дражной, с русской печкой, где у заслонки шуршали шустрые тараканы и пахло парным молоком и свежеспеченным хлебом. Хозяйка, вдова заводского конторщика, была одинокой старухой, держала корову и сдавала лишнюю комнатушку жильцу. Бабушкин снимал у нее горницу с отдельным ходом прямо из сеней. Это было удобно. Что за народ к нему ходит, зачем — хозяйка не любопытствовала. Она была нелюдима, с соседями знакомств не водила да и с жильцом заговаривала только по делу.

Квартира как нельзя подходящая. Бабушкин платил за нее восемь рублей в месяц. Готовясь к сегодняшней встрече, он пережил столько славных мыслей, что с самого утра настроение у него было приподнятое. День был воскресный, все вокруг празднично, и Бабушкин в ожидании встречи оделся, насколько возможно приличней, даже щеголевато, в крахмальную рубашку с бантиком и в новую пиджачную пару.

Когда под вечер, к назначенному часу, стали собираться товарищи, настроение у Бабушкина немного подпортилось: все было одето просто, он один разрядился в крахмалку. Но он постарался скрыть свое

смущение, пропустив насмешку Никиты Меркулова мимо ушей.

— Уж не барышень ли ждешь? — съязвил Никита.

— А если б и так? Может, кто их боится, да только не я! — отрезал Бабушкин.

С Меркуловым они стали друзьями после одного разговора, из которого выяснилось, что Никита ищет смысла жизни и читает книги о борьбе классов.

Сегодня на собрание кружка пришли шестеро рабочих с разных заводов и фабрик, известные Бабушкину люди, но не все между собою знакомые. Из конспиративных соображений он не горюпился их между собою знакомить, и оттого беседа на первых порах не налаживалась. Молчали. Только Никита, прохаживаясь взад и вперед по горнице, вполголоса бормотал стихи:

Скажи-ка, дядя, ведь не даром Москва, спаленная пожаром...

Дойдя до порога, он поворачивался и, как бы нехотя, сонным взглядом окидывал лица людей. Видно, товарищи показались ему подходящими или забрали за живое стихи, только под конец он уже не бормотал, а говорил с чувством, нажимая на каждое слово:

— Да, были люди в наше время,

Не то, что нынешнее племя: Богатыри — не вы! Как раз в это время появился человек, которого они ждали: несмотря на мороз, он был в осеннем пальто и в мягкой шляпе с полями, и во-

шел в дом свободно, как будто не раз здесь бывал.

— Так уж и перевелись на Руси богатыри? — со смешинкой в чуть носящих быстрых глазах, с ходу вступил этот человек в разговор.

Никита Меркулов, приняв с приходом постороннего свой обычный лениво-задумчивый вид, медлил ответить.

— Здравствуйте. Я — Федор Петрович, — сказал пришедший, протягивая ему руку.

— Здравствуйте, — сказал Никита, колеблясь, назваться или нет. Он не стал называться и, медленно подбирая слова, возразил:

— Если брать в соображение физическую силу, так в его величества гренадерском полку, что охранять государеву персону приставлен, богатыри на подбор. Толку что с таких богатырей?

Пришедший слегка улыбнулся молча, а Бабушкин вдруг спохватился, что не произнес пароля. Его обдало жаром, и, выступая вперед, он сказал лектору: — Заседались мы вас.

Ему показалось, лектор неодобрительно оглядел его праздничную рубашку с бантиком. Должно быть, он принял за хозяина Никиту Меркулова, и тот со своими умными рассуждениями больше пришелся ему по душе.

«Надоумила нелегкая вырядиться», — ругал себя Бабушкин, вообразив, что и сам он и его жилье произвели на лектора отталкивающее впечатление. В красном углу его горницы перед киотом слабо чадила лампада. Киот был хозяйский. За лампадой следила хозяйка, а Бабушкин не вмешивался, чтобы не вызывать подозрений. К стене прибит портрет царя и царицы, под портретом, в пазу между бревнами, спрятана брошюра против царей, но ведь лектор про это не знает.

Окончание на

чих центров западной России, и пролетариат Сибири по призыву партии обязан был оказать им немедленную помощь. И тогда группа омских красногвардейцев — железнодорожников и солдат было дано ответственное поручение — сопровождать в Петроград первый маршрут с сибирским хлебом. В состав этой группы вошел и Иван Григорьевич Залепин. Первый эшелон должен был проложить путь другим маршрутам с продовольствием героическому Петрограду.

Эта задача была успешно выполнена. От-

щик тов. Вечинский. Он и рассказал о работе омской партийной организации.

— Крепко запали в моей памяти эти метко сказанные Владимиром Ильичем в мой адрес слова, его поднятая рука и добрая, хорошая улыбка. Действительно, что я мог рассказать о работе омской партийной организации. Я был еще очень молодым членом партии, да и не обладал достаточным красноречием. Отозваться же на вопрос Ленина меня заставил быющий, как говорится, через край энтузиазм молодости, желание быть первым, что безуслов-

сказ Иван Григорьевич Залепин.

Долго еще не расхохотались, не отпуская от себя дорогого гостя, учащиеся. А прощаясь, они горячо благодарили тов. Залепина за увлекательный, волнующий рассказ, который заставил задуматься над тем, как они должны поступать, чтобы быть похожими на старых большевиков, достойно продолжать их славные традиции.

Л. КУРСКИЙ.

НА СНИМКЕ: Иван Григорьевич Залепин в гостях у учащихся Омского железнодорожного училища № 1.

Фото А. Бутакова.

(Окончание).

«Составил, наверное, мнение, что в отсталой среде очутился», — с досадой подумал Бабушкин. Он пришел в еще большую досаду, когда лектор, вместо того чтобы приступить к чтению политической лекции, которой все с нетерпением ждали, нацелил прищуренный, с лукавинкой взгляд в его накрахмаленную грудь и спросил:

— Жалованья на жизнь хватает?

Лектор задел самую болевую струну. Как говорится, попал прямо в точку.

Никита, который только что сам посмеялся над крахмалкой Бабушкина, сейчас, раздувая широкие ноздри, недружелюбно буркнул:

— Трудно оно нам достается!

Он исподлобья глядел на лектора, видно, готовясь к жестокому словесному бою. И Бабушкин невольно весь закипел, смущение его испарилось.

— По крахмалке о нашей жизни не судите, — веско возразил он пришедшему. — Есть другие убедительные факты. Вот вам один. Сколько дней в календаре на месяц отпущено? Тридцать? Ну, а у нас на заводе счет свойский.

— Сядем, товарищи? — предложил лектор.

Простота его располагала к себе, и Бабушкину захотелось раскрыть интеллигенту глаза на их действительную рабочую жизнь. Он знал интеллигентов, которые приходили к рабочим учить их борьбе, а кончалось ничем из-за непонимания жизни.

Не такой ли и этот?

Они уселись за стол, посадив лектора в красном углу, под кинотом. Бабушкин взял и задул лампаду.

— Напрасно, — сказал лектор, — Хозяйка заметит, рассердится.

Оказывается, он об этом догадывался. У Бабушкина в ответshellувельнулась симпатия к лектору.

— Отговорим и зажжем, — махнул он рукой.

Он торопился начать разговор о том, из-за чего они здесь сошлись. О борьбе рабочих на Западе, хотя урывками, таея от инспекторов и разных несознательных личностей, рассказывали иногда на уроках учительницы, и в книгах об этом читали, и говорили между собою с товарищами — в своей русской жизни разобрататься пора!

Бабушкин говорил несвободным, тугим языком, мысль его жила ярче, чем слова, даже капельки пота выступили у него на висках, так он старался нарисовать картину рабочей жизни сильно и ясно, чтобы все поняли: надо искать выход.

Невская застава с полвека назад тесно обстроилась фабриками. Заводские корпуса растут, рабочих все прибавляется, тысячные рабочие армии за одной только Невской заставой!

А права у рабочих? — Возьмите торнтоновцев, — вставил Никита, — их за Невой, как скотину, в ограду согнали, так в крепостной неволе и держат.

— Нам, семянниковцам, полегче, — про-

Загадались мы Вас

должал Бабушкин, в возбуждении дергая воротник рубашки, так что сбил, наконец, свой бантик набок.

— Легкая наша жизнь на Семянниковском заводе! В месяц каждому по сорока пяти рабочих дней набегает. Что ни день, то «полночь» или «ночь». Отработаешь двенадцать часов — тебе еще полсмены добавят. Гудок прогудит, а тебя — на забор. Номерок заарестован у мастера. Поди высунься из завода без номерка! По восемнадцати часиков в смену откальваем.

— Тут, было, одного из цеха без памяти выволокли, — вставил Никита, — угорел от работы.

— Угоришь!

Они обращались с рассказами к лектору: самим-то им знакома-перезнакома их жизнь.

Лектор с таким вниманием, так пристально слушал, что хотелось выложить ему, что есть на душе, без остатка.

«Хороший интеллигент», — вдруг подумал Бабушкин, подчиняясь чувству симпатии, которое непреодолимо в нем вызывал этот совсем еще молодой человек с большим, выпуклым, снежиди заметно лысеющим лбом. Бабушкина томило любопытство: «Как он заговорит? О чем? Что он знает? Чему их будет учить?»

— Отчего же капиталисты прибывнее заставлять одного рабочего работать сверхурочно 18 часов, чем держать двух рабочих? — неожиданно спросил лектор.

Отчего? Они стали обсуждать этот вопрос.

Лекция началась незаметно. Бабушкин не сразу догадался, что обыкновенная беседа о его, Никиты Меркулова и других рабочих положении и есть занятие кружка по вопросам политической экономии — о капитале, прибавочной стоимости и заработной плате. Лектор не прибегал к ученым словам, не справлялся ни с какими бумажками, да и лекции в сущности не было — они сидели за столом и беседовали на понятные всем и жгучие темы. Оказалось, «интеллигент» основательно знает рабочую жизнь и, что всего поразительней, знает про нее то, что им и самим еще было неясно.

«Капиталисты и рабочие врозь. Правительство на стороне капиталистов. Все так и есть, — думал Бабушкин. — А вот дальше-то что?»

— Капиталисты никогда не дадут рабочим прав. Сам рабочий — борец за свое освобождение, — сказал лектор.

Каким-то странным образом лектор подслушивал его, Бабушкина, собственные мыс-

ли, улавливал их и давал им ясный и решительный ход. И оттого занятие это было необыкновенно, у Бабушкина пылала голова.

Теперь лектора не перебивали вопросами. Все, кто сошлись в кружок Бабушкина, хотя и были еще молодыми рабочими, знали о рабочих стачках, особенно за Невской заставой — на Ижорских заводах в посаде Колпино, на Торнтоновской фабрике, Александровском заводе, а уж про Семянниковский завод и говорить не приходится — столько бывало там бунтов! Но лектор рас-

волным? Чего дождемся?»

Так думал Бабушкин с необыкновенной радостью, словно впервые ощущая сегодня свое здоровье и молодость; жизнь казалась ему бесконечной, революционная борьба по плечу, кружилось сердце от желания подвигов.

Но работа, которая их ждала, требовала умения, знаний и выдержки и предстояла на долгие годы...

На прощанье лектор велел рабочим пригладеться в цехах к народу, искать подходящих людей и оставить для чтения брошюру.

НА СНИМКЕ: удостоверение на имя рабочего К. П. Иванова, по которому В. И. Ленин явил нелегально после июльских дней 1917 г. Фотохроника ТАСС.

сказывал не только о Невской заставе. Говорил он не общими словами, от которых гаснет сердце, а мозг устает, так что вдруг и думать не хочется, — у него, что ни слово, то факт или целая картина. В Москве на мануфактуре Тутикова стачка; на Ярославской мануфактуре стачка; на Нижне-Тагильском чугуноплавильном заводе волнение; в Егорьевске на мануфактуре стачка... Выходило — по всей стране бушуют рабочие силы.

— А победы все нет, — сказал Никита Меркулов.

Лектор с интересом на него посмотрел. Видимо, ему нравились споры. Он подхватил вопрос, словно брошенный мяч, и сейчас же отразил:

— Пока рабочие не знали науки революционной борьбы, победы и быть не могло.

«А! Значит, есть такая наука! Давайте-ка ее сюда, поживей! Что

Бабушкин спрятал брошюру за царский портрет и засветил перед кинотом лампаду.

— Утром зажег бы, — конфузясь за него перед лектором, сказал Никита.

— А масло? Она по маслу видит, сколько горело.

Лектор рассмеялся. Он так весело хохотал, что даже несмешливому Никите стало смешно.

— Вы, видать, молодой, а голова вроде лысеет, — ни с того ни с сего брякнул он. Лектор взялся за свой большущий, поднятый куполом лоб, Бабушкину показались, смущенно.

— Со лба — от ума, — стараясь забыть неловкость Никиты, сказал Бабушкин, а лектор рассмеялся еще веселее. Он очень понравился рабочим. Разумный человек! Гордый. И все в нем понятно.

Бабушкин предложил проводить лектора до остановки.

— Спасибо, не на-

до, — отказался он. — Осторожно, товарищи!

Он немного картавил.

— Речь-то у вас какая приметная, — заметил Бабушкин.

— А вот это плохо. Очень плохо! — огорчился лектор. — Неужели уж такая приметная?

Они вышли в сени. Бабушкин нащупал на двери щеколду, отпер, стараясь не загреметь; они ступили на крыльцо.

Им открылась бесшумная светлая ночь. Хрустнул под ногами морозец. Крыша сарая, в шапке рыхлого снега, со стороны, обращенной к луне, струилась текучим светом, там, казалось, происходило движение: что-то искрилось, гасло, мерцало. Игра на снегу лунного света казалась таинственной, и поселок с погасшими окнами, и безмолвие ночи были тоже необычны, таинственны.

Стоя на крыльце, Бабушкин следил за удаляющимся силуэтом человека. Было так тихо, что долго отчетливо слышались одинокие шаги на звонкой от мороза дороге.

Идти далеко. Час поздний, паровичка дожدهшься нескоро. Бабушкин представил, как неуютно и холодно сейчас в полупустом вагоне; паровичок медленно тащится вдоль соинных улиц, мертвенно белеет позади улиц замерзшая Нева. Пока-то Невский «самовар» доплетется до города! Там пересадка на конку. Уж и в городе ночь. А поджидает ли кто дома?

«Как его зовут? — раздумывал Бабушкин, догадываясь, конечно, что лектор пришел к ним в кружок под другим именем. — Кто он? Откуда? Как он живет?»

Отчего-то Бабушкину хотелось знать о нем все — его обыкновенную человеческую жизнь, обыкновенные огорчения и радости. И в то же время он неожиданно подумал:

«Однако Никита неверно про богатырей заключил. Богатыри переведутся — тут тебе и жизни конец».

Мороз здорово прохватил его сквозь пиджак, и Бабушкин вернулся домой.

Редактор В. ЖЕЛТОНОВ.

ОБЛДРАМТЕАТР — в 12 ч. дня «Иван Рыбаков», в 8 ч. веч. «Оптимистическая трагедия». «ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ» — «Ленин в Октябре», «Берлинский роман». «МАЯК» — «Тайна двух океанов» (2-я серия). «ЛУЧ» — «Когда поют соловьи», «Соперницы», «Тайна двух океанов» (2 серии). ЦИРК — заслуженный артист РСФСР Юрий Дуров.